

Так что же такое нелегальная разведка, зачем она нужна и чем отличается от «легальной»? Кто они — разведчики-нелегалы?

Известно, что положение разведчика-нелегала за рубежом коренным образом отличается от статуса сотрудника «легальной» резидентуры. Последний, будучи гражданином своей страны, снабжен подлинными документами и работает под прикрытием официальных учреждений: дипломатических, торговых, культурных представительств, информационных агентств, частных фирм, а порой и международных организаций, в которых он представляет свою страну.

Что же касается сотрудника нелегальной резидентуры, то он находится за рубежом с паспортом иностранного гражданина, никак не связан с официальными представительствами своей страны и даже не посещает их, чтобы не привлечь внимание со стороны местных спецслужб и не расшифровать себя.

«Разведчик-нелегал перед местной властью фактически беззащитен. — В стране с жестким политическим режимом его могут тайно арестовать, подвергнуть допросу «третьей степени», а то и ликвидировать без какой-либо огласки.

Даже зная о его аресте, посольство родной страны не может официально ему ничем помочь (разве что через надежного посредника нанять хорошего адвоката). В случае осуждения за шпионаж нелегалу остается только уповать на то, что ему помогут организовать побег (а это всегда проблематично), либо надеяться, что через несколько лет его обменяют на захваченного с поличным разведчика того государства, чьим строго охраняемым «гостем» он пока является».

Это был прекрасный, изумительный нелегал потрясающего таланта. Нельзя сказать, что все наши разведчики — сплошные Кононы Молодые. Он — личность уникальная!

Начальник Службы внешней разведки России (1996–2000) Вячеслав Трубников

23 марта 1961 года в Лондоне в знаменитом уголовном суде высшей инстанции Олд Бейли завершился судебный процесс по так называемому «портлендскому делу», одним из основных действующих лиц которого являлся канадский бизнесмен Гордон Лонсдейл. 25 лет тюрьмы — таков был приговор. Имя этого человека тогда не сходило с первых полос английских и американских газет. Но только многие годы спустя стало известно, что под этим именем в Англии работал кадровый

советский разведчик-нелегал полковник Конон Трофимович Молодой, который с 1955 по 1961 год возглавлял в этой стране нелегальную резидентуру.

Это было одно из наиболее эффективных звеньев советской внешней разведки, которое успешно добывало секретную политическую, научно-техническую и военно-стратегическую информацию в важнейших учреждениях Англии и военных базах США, расположенных на ее территории.

Разведчик-нелегал Конон Молодой родился 17 января 1922 года в Москве в семье научных работников. Его отец, Трофим Кононович, преподавал в Московском государственном университете и Московском высшем техническом училище, а также заведовал сектором научной периодики в Госиздате. Скончался он в 1929 году в возрасте 40 лет. Мать, Евдокия Константиновна, была в то время хирургом общего профиля. Позже она стала профессором научно-исследовательского института протезирования и приобрела известность в научном мире, в том числе за рубежом, имела научные труды.

У матери Конона Евдокии Константиновны были три сестры: Анастасия, Татьяна и Серафима, которые сыграли в дальнейшем важную роль в судьбе Конона.

14 октября 1929 года умер отец Конона.

Евдокия Константиновна осталась вдовой с двумя детьми на руках: семилетним Кононом и двенадцатилетней Натальей. Положение семья было бедственным, денег на жизнь не хватало.

Помощь пришла нежданно-негаданно. И произошедшее в последующие 6 лет в значительной мере помогло Молодому в его будущей работе.

В августе 1931 года в Москву на несколько дней приехала старшая сестра матери Анастасия Константиновна Наумова. Она еще в 1914 году уехала из Хабаровска в Китай, а оттуда через некоторое время перебралась в США, в город Беркли (штат Калифорния), имела небольшой, но стабильный капитал. Позже к Анастасии перебралась сестра — балерина Татьяна Пьянкова, которая открыла в Калифорнии небольшую балетную школу.

В то же время другая сестра Евдокии Константиновны, Серафима, обосновалась в буржуазной Эстонии, выбрав для постоянного проживания город Тарту.

Состоятельную американку серьезно удивило незавидное, по ее мнению, материальное положение советских родственников — вдовы ученого-физика, являвшейся врачом-хирургом, и ее детей. Она предложила хотя бы на время забрать детей к себе, пообещав обеспечить им достойную жизнь и хорошее образование. Наталья уезжать от матери категорически отказалась, а Конон, которому пообещали купить в Америке велосипед, согласился. Его мать, как ни странно, не возражала.

Правда, с выездом в США возникли некоторые проблемы. Нет, разрешение советских властей отпустить ребенка на попечение его американской тети было получено беспрепятственно. Визу не давали американцы, так как тогда еще не были восстановлены дипломатические отношения с Америкой. Пришлось вмешаться не кому-нибудь, а заместителю председателя ОГПУ, знаменитому Генриху Ягоде, который ранее курировал науку и, видимо, знал отца мальчика и его заслуги в научном мире столицы. Тот дал команду, и в церкви, где когда-то крестили Конона, переписали метрику, сделав его внебрачным сыном Трофима Молодого и младшей сестры его матери Серафимы, проживавшей в Эстонии. Почему в действительности Ягода принял такое участие в судьбе Конона Молодого, так и осталось тайной. Хотя, по некоторым сведениям, всесильный чекист просто находился в дружеских отношениях с Трофимом Кононовичем.

Чтобы ускорить получение американской визы, Конона отправили к тете Серафиме в Тарту, где она оформила «внебрачному сыну» загранпаспорт. Наконец американская виза была получена, Серафима Константиновна проводила Конона до Шербура, посадила на пароход «Маджестик», который отплывал в Америку, оплатив его проезд вместе с присмотром...

Анастасия Константиновна встретила своего племянника без всяких приключений, приласкала, откормила и отдала в американскую школу. Уже через пару месяцев Конон стал довольно сносно говорить по-английски — выявились его незаурядные способности к иностранным языкам. Да и вообще учеба в школе давалась ему достаточно легко. В конечном итоге Конон в совершенстве овладел английским языком, а также освоил немецкий и французский.

Мальчик занимался в секции бокса, в свободное от учебы время в сопровождении теток Анастасии и Татьяны много путешествовал по Калифорнии, бывал в других городах США, в частности, неоднократно

посещал Нью-Йорк. За это время он отлично изучил быт и нравы Северной Америки, вместе с тетками побывал в Англии, Франции и других странах.

Шесть долгих лет пролетели незаметно. Когда Конону исполнилось шестнадцать, встал вопрос о дальнейшем жизненном выборе. Тетя Анастасия настаивала на том, чтобы он после окончания средней школы поступил в один из американских университетов и остался в Соединенных Штатах.

Вторая тетка, Татьяна, к тому времени переехавшая в Париж и разбогатевшая благодаря родительскому наследству и доходу, который приносила Школа русского балета, открытая ею во французской столице, уговаривала юношу, являвшегося, как она считала, ее единственным наследником, переехать к ней. Однако Конон, сильно скучавший по матери и сестре, твердо решил вернуться на родину.

После возвращения Конон закончил среднюю школу, а в 1940 году был призван в Красную Армию. В октябре 1940 года он начал срочную службу и попал в Западный особый военный округ в разведывательный артиллерийский дивизион.

Молодой в изданной по материалам бесед с ним книге «Моя профессия — разведчик» вспоминал: «Я был в том самом первом звене армейской разведки, которое действует непосредственно на передовой. Взять «языка», разведать расположение огневых точек — такие задания ставились перед бойцами подразделения, в котором я служил... Сначала рядовым, потом офицером. Закончил войну в должности помощника начштаба... О характере заданий, которые нам поручали, можно судить по тому, что из трехсот человек, которые начали войну со мной, завершили ее лишь семнадцать. В том числе и я...» И здесь же припомнил конкретный случай из своей фронтовой биографии: «Однажды вдвоем с товарищем ушли мы в разведку. Впрочем, не ушли — уползли. Нам не повезло: на ничейной земле немцы засекли нас. Белой пустыней лежали снега, тихо мерцали, холодно искрились под бледной, будто напуганной бесконечным грохотом войны, луной. Вспыхивали и гасли, распахивая небо, ракеты. Ударила автоматная очередь — пули легли чуть сбоку от нас. Мы повалились, зарылись в сугроб. Мороз был такой — звезды, казалось, трещали. Так мы пролежали часа два, а может, и меньше — время казалось бесконечным.

— Всё, пошли дальше, — тихо сказал товарищ.

— Лежи. Рано.

— Забыли про нас фрицы. Или решили, что прихлопнули.

— Лежи, — попросил я.

Товарищ не послушался. Приподнялся на мгновение. Очередь прошла ему грудь...»

В 1946 году Молодой демобилизовался. С собой на родину он вез служебную характеристику, из которой, в частности, следовало:

Товарищ Молодой К. Т. с первых дней Отечественной войны участвовал в боях с немецкими захватчиками и проявил себя смелым, инициативным командиром. Пройдя большой путь от бойца до командира в условиях боевой обстановки, тов. Молодой накопил богатый опыт и практику в ведении инструментальной разведки, а также в организации ее. За выдающиеся заслуги в организации разведки огневых средств противника тов. Молодой награжден двумя орденами «Отечественной войны 1 и 2 степени, орденом «Красной звезды», медалью «За отвагу».

В августе 1946 года Молодой сдал вступительные экзамены в Институт внешней торговли. На третьем курсе учебы в институте на него обратили внимание сотрудники советской разведки. В течение 2-х лет осуществлялась его проверка и в 1952 году по окончании института Конон Трофимович Молодой был принят на службу в разведку и приступил к подготовке для работы в нелегальных условиях.

С 1955 по 1961 год возглавлял нелегальную резидентуру в Англии. Это было одно из наиболее эффективных звеньев внешней разведки, которое успешно добывало секретную политическую, научно-техническую и военно-стратегическую информацию в важнейших учреждениях Англии и военных базах США, расположенных на ее территории.

В этот период отношения между Западом и Востоком продолжали накаляться, усиливалась гонка вооружений. Советское руководство и командование вооруженных сил остро интересовали вопросы, связанные с развитием военной техники в странах НАТО, в том числе предназначенной для военно-морских сил.

В то же время добывание нужной информации с использованием «легальных» возможностей наталкивалось на большие трудности в связи с активностью контрразведывательных органов против советских граждан и учреждений во многих странах НАТО. Англия не была исключением. В этой ситуации было принято решение создать в Лондоне нелегальную резидентуру и передать ей на связь часть ценных источников.

Резидентура Молодого начала создаваться в 1954 году. Но основные ее компоненты стали функционировать только в 1955 году, после того как в Лондоне обосновался сам резидент и начал действовать пункт связи, организованный разведчиками-нелегалами Моррисом и Леонтиной Коэнами.

Потребовалось немало времени, чтобы создать прочные прикрытия, наладить каналы связи и развернуть в полную силу деятельность резидентуры. На начальном этапе от резидентуры поступала в основном политическая информация. Затем с передачей в ее состав источника, имевшего выходы на научно-техническую проблематику, появилась возможность направлять важные сведения по разработкам в области современной техники и новейших технологий. В частности, Центр стал получать материалы по технологии производства прокатных высокопрочных алюминиевых и других сплавов, пайке титана и нержавеющей стали по новому способу, другие важные промышленные и научные разработки, которые получали высокую оценку заинтересованных ведомств.

Новым эффективным направлением стала «морская» линия. Активизация работы здесь произошла после того, как в нее включился источник Хаутон («Шах»). Нелегальная резидентура получила от него большое количество секретных материалов: приказы адмиралтейства, сведения об организации ВМС Англии, о военно-морской технике, подводном флоте, оружии, методах использования боевых средств флота, состоянии обороны английских портов и военно-морских сооружений.

В дальнейшем с помощью Хаутона был приобретен новый источник — Банти Джи («Ася»), которая, так же как и Хаутон, работала в Портлендском морском научно-исследовательском центре, который занимался секретной военно-морской проблематикой. Она располагала доступом практически ко всем секретным материалам в этом учреждении и передавала через Хаутона и непосредственно Молодому документы и чертежи по наиболее важным разработкам.

За время сотрудничества Хаутона с советской внешней разведкой от него было получено несколько тысяч наименований совершенно секретных, секретных и конфиденциальных документальных материалов английского адмиралтейства и его научных центров объемом свыше 17 000 листов. Полученные материалы давали полную картину состояния британского военно-морского флота, его боевых возможностей, перспектив развития плавсредств и вооружения. Как писала потом одна английская газета со ссылкой на высказывание крупного военного деятеля, в британском военно-морском ведомстве не осталось секретов, которые не были бы известны советской разведке.

Было получено также большое число документов по новейшим научным и техническим разработкам в области производства вооружения и технических средств для армии и флота. В их числе материалы по атомной подводной лодке «Дредноут», гидроакустическим станциям и гидролокаторам, гидроакустическим средствам противолодочной обороны и др.

В конце 1958 года на связь Молодому был передан источник «К», имевший доступ к ценной научно-технической информации. Нелегал встречался с ним в различных местах в городе, иногда в поезде, и получал документальные материалы. Встречи чаще всего длились буквально несколько секунд. Полученные документы после фотографирования возвращались таким же путем.

«К» передал нелегалу большое количество материалов, которые высоко оценивались в Центре. Полученные материалы позволяли более рационально планировать наши военные и военно-морские программы, экономя большие средства, осуществлять упреждающие меры против возможной угрозы безопасности государства.

Заслуги в создании уникальных разведывательных возможностей в одной из ключевых стран НАТО следует отнести на счет не только разведчика-нелегала Молодого, но и лондонской «легальной» резидентуры, которая активно содействовала его работе. Вместе с тем роль нелегала в этом деле исключительно велика. Если бы не предательство, резидентура Молодого могла бы еще долго вести работу и обнаружить ее контрразведке обычными средствами было практически невозможно.

Помимо военно-морской проблематики велась работа по объектам в г. Портоне, где находился центр биологических методов ведения войны, американским военно-воздушным базам, изучению персонала

английской разведки, проходившего обучение в Лондонском университете, и по другим вопросам.

Конон Трофимович, как известно, на уровне родного владел английским языком. Это облегчало дело. Знал также быт североамериканцев, особенности поведения европейцев. Поэтому основное внимание обращалось на оперативно-разведывательные вопросы, профессиональную подготовку.

Для совершенствования языковых знаний Молодой использовал общение с Моррисом и Леонтиной Коэнами, готовившимися для работы в нелегальной резидентуре в Англии, которую он должен был возглавить. Общение с этими людьми позволило не только изучить своих будущих работников, но и очень много взять для себя из их большого опыта разведывательной работы. Что касается языковой практики, то лучшей школы придумать было нельзя. Иногда с утра и до вечера беседы велись только на английском языке. После таких тренировок Коэны сделали заключение, что по языку, поведению и манерам Конона нельзя отличить от настоящего американца.

В октябре 1954 года председатель Комитета госбезопасности утвердил план организации нелегальной резидентуры в Англии и назначение Молодого в качестве ее руководителя, а также санкционировал вывод его в страну назначения.

Чтобы нелегал мог осесть в Англии, стране со сложной оперативной обстановкой, необходимо было снабдить его надежным документом, который позволил бы беспрепятственно въехать в Англию и остаться там жить. Разработанный вариант предусматривал проживание Конона Трофимовича за рубежом по подлинному загранпаспорту.

Наряду с решением вопросов документации и легализации, он вел работу по выполнению конкретных разведывательных заданий.

Подготовительная работа для переезда в Англию близилась к концу. Необходимо было перевести со своего счета некоторую сумму денег в Англию в один из лондонских банков, чтобы по приезде туда можно было открыть счет. Во время этой операции разведчик познакомился со служащим банка, который являлся секретарем местной организации «Заморская лига». Это знакомство сыграло затем большую роль в устройстве жизни в Англии, и об этом стоит рассказать несколько подробнее. Лига представляла собой общественную организацию, насчитывающую более 50 тысяч человек, программа которой состояла в агитации за укрепление Британской империи.

Новый знакомый предложил Конону Трофимовичу вступить в эту организацию. Когда нелегал начал колебаться, он объяснил ему, что в Лондоне, куда он собирается ехать, у него наверняка нет знакомых, а проблем возникнет много, и некому будет помочь. А в «Заморской лиге» его примут как своего человека, помогут найти квартиру, познакомят с нужными людьми, организуют интересные и недорогие поездки по стране.

Молодой после консультации с Центром внес вступительный взнос и был оформлен в члены этой организации. Когда, получив членскую карточку, он взглянул на имя патрона лиги, то увидел имя королевы Елизаветы II. Он понял, что стал членом действительно солидной организации.

В конце февраля приготовления были завершены, и Молодой выехал в Нью-Йорк, откуда на лайнере «Америка» отправился в Англию...

По легенде разведчик прибыл в Англию для учебы в Лондонском университете. Он успешно сдал экзамены и был зачислен студентом на восточный факультет университета. Здесь негласно проходили обучение сотрудники СИС, английской разведки, которым предстояло работать в странах Востока. Молодой познакомился с ними, осуществлял их изучение.

Прошло всего пять месяцев, как разведчик-нелегал выехал из Москвы. А сделать за это короткое время сумел очень много. За успешную работу Молодому была объявлена благодарность председателя КГБ, он был повышен в должности и звании.

Центр рекомендовал не ограничиваться в качестве прикрытия учебой в университете, а присматриваться и к другим возможностям.

Молодой пришел к выводу о необходимости начать какое-либо коммерческое дело, не прерывая учебу в университете. Это, как он полагал, укрепит его положение и даст возможность после окончания учебы остаться в Англии. Он перебрал несколько вариантов и решил приобрести несколько музыкальных автоматов.

В январе 1957 года разведчик писал в Центр: «Согласно договоренности, во время моего пребывания в Центре я заказал два музыкальных автомата, уплатив сравнительно небольшой задаток. Остальное подлежит выплате в течение двух лет. Такие автоматы создают здесь хорошие возможности. Затратив 5 тыс. долларов, можно в течение 6-12 месяцев создать дело, не требующее дополнительных затрат, а после окончания платежей получать доход до 200 долларов в

месяц. Такое дело позволит, во-первых, обосновать пребывание в стране и, во-вторых, выезжать при необходимости в другие страны на 1–2 месяца». И далее: «В течение года думаю расширить сеть автоматов до 10 штук. После выплаты долга автоматы будут приносить весьма солидный реальный доход, а также позволят содержать автомашину, если в этом возникнет необходимость».

В дальнейшем Молодой вошел в качестве компаньона в фирму, которая занималась эксплуатацией автоматов на более солидной основе. Она имела 300 автоматов по продаже жевательной резинки, которые были расположены по всему Лондону. Это давало возможность практически в любое время суток разъезжать по разным районам города, решать различные разведывательные задачи, не привлекая внимания местных властей и окружения.

Хорошо шли дела и у держателей пункта связи Коэнов. Они также создали надежное прикрытие, была налажена связь с Центром, появились перспективные кандидаты для последующего использования в качестве источников.

Созданная Молодым резидентура начала активизировать свою деятельность. Стала действовать радиосвязь. В двух километрах от загородного дома Коэнов, где была оборудована радиоквартира, располагался штаб американских ВВС. Радиостанции аэродрома Нордхолт и штаба круглосуточно работали на длинных и коротких волнах, поэтому засечь посторонний радиопередатчик в таком районе практически невозможно, несмотря на то что совсем недалеко работала радиопеленгаторная станция.

Деятельность резидентуры развивалась весьма успешно, и, казалось, ничто не предвещало беды. Но события начали развиваться в крайне неблагоприятном направлении. Летом 1960 года ушел на Запад сотрудник внешней разведки Польши, которому источник Молодого Хаутон был известен как человек, к которому проявляла интерес разведка его страны. Он работал тогда в английском военно-морском атташате в Варшаве. Англичане без труда нашли Хаутона и в целях проверки установили за ним наружное наблюдение.

Через Хаутона контрразведка вышла на Молодого, а через него на Коэнов. В поле зрения попала и Банти Джи.

Работа контрразведки строилась таким образом, чтобы максимально исключить возможность появления у Молодого подозрений. В этих целях она не стремилась постоянно вести за ним слежку на всех маршрутах его передвижения. Она фиксировала его по месту жительства, месту

работы, в других местах, где он регулярно бывал, а также во время встреч с Хаутоном и Джи, ведя наблюдение за последними.

Контрразведка разобралась, что Лонсдейл является профессиональным разведчиком, но необходимо было выяснить, на кого он работает. Для этого потребовалось несколько месяцев. Нужно было также тщательно изучить организацию работы резидентуры и произвести арест с поличным во время передачи материалов из рук в руки. Это было необходимо для того, чтобы предъявить в суде неопровержимые доказательства шпионской деятельности с наличием уликовых материалов.

Контрразведка действовала без спешки. Она дала возможность Молодому съездить на континент и почти четыре месяца после возвращения вела его разработку.

Арест произошел 8 января 1961 года. Впоследствии Молодой так описывал случившееся: «В 16.29 я повернул за нужный мне угол и пошел на юг. Прохожих совсем не было. Улица просматривалась на несколько сот метров вперед, и я удивился, не увидев Хаутона. Продолжая двигаться на юг, я вдруг заметил, как он перешел улицу на мою сторону и также направился на юг несколько впереди меня... Ничего подозрительного я не заметил и, догнав Хаутона и Джи, которая по пути присоединилась к нам, сказал им, что очень тороплюсь и вызову их обусловленным сигналом по почте на обычное в таких случаях место.

Я спросил Джи, могу ли я временно забрать ее хозяйственную сумку, в которой находились материалы, и она ответила: «Пожалуйста». Не успел я взяться за сумку, как услышал шум тормозов. Оглянувшись, я увидел три небольшие автомашины темного цвета устаревших моделей и выскакивающих из них людей, человек десять-двенадцать.

Дальнейшее произошло, как в третьеразрядном фильме: все они бегом ринулись на нас (тротуар был метра четыре шириной); на меня навалились человека четыре, двое схватили за кисти рук и затащили в первую машину. Никто из них не сказал ни слова. Водитель автомашины доложил по радио: «Все в порядке. Едем домой через Вестминстерский мост» и включил повышенную скорость. Державший меня за кисть правой руки полицейский инспектор, как потом оказалось, по имени Смит, попытался было сосчитать мой пульс. Но я повернул руку таким образом, чтобы помешать ему, и спросил: «Вы что, доктор?» Он ответил: «Нет. Вы едете в Скотланд-Ярд». Кстати, мой пульс был почти нормальным. Трудно это объяснить, но особого возбуждения не чувствовалось. Паники тоже».

Арестованы были Хаутон и Джи. Днем раньше арестовали Коэнов. Значительная часть резидентуры оказалась за решеткой.

Об аресте Молодого и членов его резидентуры Центр узнал уже 9 января 1961 года. Резидент «легальной» резидентуры сообщил, что во всех утренних газетах от 9 января напечатано сообщение об аресте Бена (псевдоним Молодого), «Дачников» (псевдоним Коэнов), «Шаха» и «Аси».

После ареста и доставки в Скотланд-Ярд, рассказывал Молодой, состоялся первый допрос, который проводил суперинтендант Смит. Он настойчиво добивался, чтобы разведчик сделал добровольное заявление и признался в шпионской деятельности. «Мы знаем все, — говорил он, — что вы делали здесь за все шесть месяцев, что вы были в Англии». На что я ответил, что это очень хорошо, так как в данном случае нет необходимости делать заявление, и добавил, что вообще-то я был в Англии шесть лет. Это его буквально потрясло, и он ушел, не сказав ни слова».

Учитывая складывающуюся ситуацию и знание законов Англии, согласно которым полиция может держать под арестом кого-либо не более суток, после чего арестованный должен быть предъявлен суду и даны обоснования его ареста, Молодой решил занять жесткую позицию, твердо и до конца придерживаться своей основной легенды, ни в чем не сознаваться, требовать права на защиту и не позволять спецслужбам втянуть его в провокацию.

«Принимая такое решение, — писал впоследствии разведчик, — я исходил из следующих соображений: сделать все возможное для того, чтобы показать пример правильного поведения своим помощникам; вынудить контрразведку раскрыть свои карты и тем самым определить причину провала; показать общественному мнению и особенно нашим зарубежным друзьям, оказывающим нам помощь, что советские разведчики являются достойными сынами своей Родины и на них можно положиться. Большое значение при этом для меня имело благородное, мужественное поведение на судебном процессе в США в 1957 году разведчика Рудольфа Ивановича Абеля».

По английским законам предъявлять обвинение в Скотланд-Ярде нельзя, это делается в полицейском участке. Арестованные были привезены туда.

«Смит официально предъявил нам обвинение в шпионаже, — писал Молодой. — Здесь я впервые после ареста увидел Коэнов. Их только что привезли, ночь они провели в одной из полицейских тюрем в районе

Руислип». Молодому представилась возможность перебраться несколькими словами с Кознами. Он им сказал, чтобы они ни в чем не признавались и вели себя, как Абель (о процессе над Абелем много писалось в газетах).

«Нам предложили подписаться под описью отобранного у нас при аресте имущества, — рассказывал далее разведчик. — Я отказался, так как в список был включен пакет, изъятый из хозяйственной сумки Джи, с описанием его содержимого. Как выяснилось на суде, источник принесла приказы по флоту, описание нескольких гидроакустических приборов и электронного оборудования подводной лодки «Дредноут», вторую часть справочника «Корабли военноморского флота» (последние два документа были в пленке) и ряд других документов. Я заявил, что сумочка не моя и вскрывалась без меня».

Судебный процесс начался 13 марта 1961 года в центральном уголовном суде, расположенном в Сити. Он продолжался восемь дней и широко освещался в английской прессе. Вначале выступил генеральный прокурор, затем свидетели и эксперты, главным образом сотрудники контрразведки. Они старались каждый факт трактовать в пользу обвинения. Дело доходило до курьезов. На предварительном слушании возник вопрос о карте военно-морской базы в Портленде, найденной на квартире у Хаутона. Защитник последнего задал вопрос свидетелю Саймонду, капитану первого ранга, начальнику отдела подводной войны Адмиралтейства относительно ценности данной карты для потенциального противника. Саймонд сказал, что она настолько секретная и важная, что не может отвечать на вопросы о ней на открытом заседании суда.

Защитник продолжал настаивать, и было решено провести закрытое заседание. Публику удалили. Суд продолжил работу. Защитник попросил Саймонда еще раз подтвердить, что данная карта была бы очень ценной для потенциального противника. Саймонд подтвердил это. Тогда защитник попросил суд передать карту ему. Взглянув на нее, защитник вернул ее через секретаря суда Саймонду и попросил последнего прочесть надпись в правом нижнем углу карты. Тот взглянул туда и буквально побагровел. По настоянию защитника он все-таки прочел: «Канцелярский отдел Ее Величества, цена 4 шиллинга 6 пенсов». После этого случая закрытых заседаний больше не было.

После свидетелей и экспертов давали показания Хаутон и Джи. Они признались в ведении разведывательной работы. Молодой и Козны от дачи показаний отказались.

Седьмой день процесса начался с выступления Молодого, по поводу чего лондонская «Дейли мейл» 22 марта писала: «Затем он обернулся к жюри, все члены которого были мужчины, и на безупречном английском языке с четко выраженным американским акцентом зачитал свое заранее заготовленное заявление».

В заявлении говорилось, что никто из арестованных не находился с ним ни в какой преступной связи и что если суд на основании имеющихся у него улик считает обвинение доказанным, то виновным является только он, какие бы последствия для него это ни повлекло.

В течение следствия и суда Молодой по договоренности с Моррисом Коэном прилагал большие усилия оправдать Лону Коэн. Он представлял ситуацию так, что она не была посвящена в его дела. Молодой все время настаивал, что если она и выполняла какие-либо его поручения, то перед ней не раскрывалось их содержание, а все маскировалось под бытовые дела.

Однако когда американцы представили суду доказательства, что Коэны являются американскими гражданами и разыскиваются американской контрразведкой, положение Лоны серьезно осложнилось.

Слушания были закончены, и судья объявил приговоры: Молодому — 25 лет каторжной тюрьмы, Коэнам — по 20 лет, Хаутону и Джи — по 15 лет.

Газета «Обсервер», касаясь поведения Молодого на судебном процессе, писала: «В нем было что-то настолько профессиональное, что возникало лишь чувство восхищения. И если хоть один человек был патриотом и жил ради своего долга, то это он».

Другая газета, «Ньюс оф зе уорлд», добавляла, что Гордон Лонсдейл спокойно вел себя в течение всего процесса, у него даже веко не дрогнуло, когда его приговорили к 25 годам.

Мужественно вел себя разведчик и во время пребывания в тюрьме, где он содержался в условиях особо строгого режима. Как он узнал, МВД Великобритании считало его лицом «исключительного риска», способным бежать из тюремного заключения. В это время из английской тюрьмы бежал Джордж Блейк — один из сотрудников советской внешней разведки, приговоренный в Англии к 42 годам тюремного заключения. Видимо, это обстоятельство подтолкнуло власти ужесточить режим содержания Молодого.

Сначала Конон Трофимович сидел в лондонских тюрьмах, в Манчестере, затем его перевезли в Бирмингем, где он содержался до момента освобождения.

«Я был в тюрьме на особом положении, — рассказывал Конон Трофимович, — потому что, как считали судьи, не признался в том, кем являюсь в действительности. Поэтому они боялись, что я уйду. Обычная тюремная форма — куртка и брюки, очень сходные по покрою с английской военной формой. Мне выдали такую же форму, но с тремя большими «заплатами» — на левой стороне груди, на правом колене и под левым коленом. Содержали в одиночной специальной камере, оборудованной решеткой из специальной стали, которую якобы не берет ножовка. На ночь у меня отбирали всю одежду, и всю ночь в моей камере горел свет. Куда бы я ни шел, со мной следовал специально выделенный тюремщик с моей книжкой-формуляром, в которой он расписывался при передаче меня другому тюремщику».

Питание в тюрьме было однообразным. Надзиратели и администрация относились к разведчику нормально, а после некоторого времени даже с уважением. То же самое можно сказать и о заключенных, среди которых Конон Трофимович имел непререкаемый авторитет из-за умения дать надлежащий совет или написать прошение. Однако в отношении разведчика зачастую нарушались тюремные правила и законы страны. Ему, например, не всегда давали книги, тогда как другие пользовались этим правом.

Находясь в английской тюрьме, Молодой верил, что руководство внешней разведки примет меры к его досрочному освобождению. Это позволяло сохранять спокойствие и стойко переносить тяжелые испытания.

Встретившись с Кононом Трофимовичем в тюрьме, Джордж Блейк так охарактеризовал его: «Лонсдейл переносил свою судьбу с замечательной стойкостью и неизменно пребывал в хорошем настроении... Я вспоминаю один наш разговор, который состоялся за несколько дней до того, как его внезапно перевели в другую тюрьму. «Ну что ж, — сказал он в своей оптимистической манере, — я не знаю, что произойдет, но в одном я уверен. Мы с вами будем в Москве на большом параде в день пятидесятой годовщины Октябрьской революции». Это звучало фантастично в то время, когда мы только начали отбывать очень длинные сроки наказания, но оказалось, что он был прав».

Работа по вызволению нелегала из тюрьмы была начата сразу же после суда над ним. Сам по себе процесс вызволения является кропотливым и сложным делом. Главным является поиск подходящего

кандидата для обмена. Не всегда это удается обеспечить в короткие сроки.

В данном случае такая возможность представилась в ноябре 1962 года. В Будапеште был арестован английский бизнесмен Гревил Мейнард Винн. Он неоднократно бывал в СССР. Перед очередной поездкой в Москву один из сотрудников английской секретной службы попросил его выполнить ряд разведывательных поручений. Эта деятельность была зафиксирована органами КГБ. После ареста он был доставлен в Москву и над ним состоялся суд.

Винн признал себя виновным по большинству пунктов обвинения и был приговорен к восьми годам лишения свободы.

Осуждение Винна давало возможность добиться обмена Молодого на этого человека. В течение нескольких месяцев продолжались осторожные шаги с обеих сторон, направленные на достижение соглашения об обмене.

Несмотря на то что переговоры велись тайно, некоторые сведения об обмене просочились в прессу. Намечаемые мероприятия подверглись резкой критике. Одна из газет писала: «Англия, в отличие от Америки, никогда не обменивалась шпионами с Россией. Если бы дело Винна создало прецедент, русские одержали бы победу в тайной холодной войне. Какая это была бы победа, если бы акула Лонсдейл был обменен на мелюзгу Винна!»

Такого рода обстоятельства серьезно осложняли дело.

Но тем не менее соглашение было достигнуто 7 апреля 1964 года. Через две с небольшим недели был произведен обмен, и Конон Трофимович Молодой снова оказался на Родине.

«Утром 21 апреля, — вспоминал нелегал, — я находился в бане и как раз разделся, когда за мной прибежал один из старших надзирателей. Это было само по себе необычно. Он сказал, чтобы я быстро оделся, так как я «нужен»... Часов в 10 утра меня отвели в кабинет начальника тюрьмы, в котором помимо его самого находились секретарь министра внутренних дел и какой-то старший чин местной полиции. Поздоровавшись со мной, начальник тюрьмы серьезно произнес: «Господин Лонсдейл (услышав “господин”, я понял, что еду домой), я хочу представить вас секретарю министра внутренних дел». Затем мне предложили сесть и объяснили, что у секретаря министра имеется пакет, который он должен вскрыть в моем присутствии и зачитать мне текст документа... Закончив чтение документа, начальник тюрьмы

показал его мне. Все трое присутствовавших подошли ко мне и пожали мне руку».

Сам обмен состоялся в Берлине 22 апреля в 5.30 утра на КПП Штаакен, расположенном на внешнем обводе Западного Берлина по дороге № 5. В условленное время машина с Винном была выдвинута на пограничную линию, то же самое сделали и англичане. После опознания (с нашей стороны эту миссию выполнял начальник отдела Н.А. Корзников) произошла процедура обмена. Молодой сел в нашу машину, а Винн — в английскую. Машины быстро набрали скорость и поехали по своим маршрутам.

Обмен произошел без происшествий и без посторонних зрителей, так как дорога была перекрыта. На чрезвычайный случай несколько машин как с одной, так и с другой стороны находились поблизости и выполняли роль прикрытия. Конон Трофимович сразу же попал в объятия друзей, которые от всего сердца поздравили его с возвращением на Родину.

С особой радостью встречала его дома семья — жена Галина и дети Лиза и Трофим. Конон Трофимович очень их любил и скучал без них. Дети были рады возвращению отца из очередной командировки. Не мог он рассказать им, где был, что делал. Долгая разлука с ним еще больше укрепила их взаимную любовь.

Теплой была встреча с друзьями и товарищами по работе. Его поздравили с возвращением председатель КГБ СССР и начальник внешней разведки.

Молодому было присвоено очередное звание «полковник». Он был награжден орденом Красного Знамени. В Указе Президиума Верховного Совета СССР говорилось: «За мужество и стойкость, проявленные при выполнении особых заданий, наградить сотрудника Комитета госбезопасности Молодого Конона Трофимовича орденом Красного Знамени». Он был также награжден знаком «Почетный сотрудник госбезопасности».

Глубокие знания и богатый опыт разведывательной работы за границей predeterminedли направление его дальнейшего использования в системе внешней разведки. Ему была поручена работа по подготовке и воспитанию молодых работников. Его часто приглашали коллективы сотрудников местных органов, где он выступал с воспоминаниями о работе за рубежом. В это время за границей и у нас появились публикации, связанные с работой резидентуры Лонсдейла. В Англии был даже снят кинофильм. Интерес общественности к этому событию был велик.

Но зарубежные средства массовой информации нередко искажали факты. Поэтому выступления Конона Трофимовича, в том числе и в прессе, давали объективную картину и способствовали правильному восприятию советской и зарубежной общественностью как деятельности советской внешней разведки, так и фактов, связанных с работой резидентуры Молодого, арестом ее сотрудников.

Много сил он отдавал работе с молодежью и находил в этом большое удовлетворение. В свободное время любил выезжать с семьей за город. Он наслаждался природой и много времени проводил, бродя по полям, берегам рек и подмосковным рощам. Любил собирать грибы.

Последний день его жизни прошел на природе. В пятницу, 9 октября 1970 года, Конон Трофимович с женой вместе с товарищем, который тоже был с женой, отправились в район Медыни. По приезде на место разбили палатку, стали разводить костер. Конон Трофимович, уставший после длинной дороги, присел на раскладной стул. Здесь неожиданно у него произошел инсульт. Он потерял сознание. Ближайшая больница была в Медыни, за 10 километров от места происшествия. Конона Трофимовича доставили туда на машине, однако спасти его не удалось. Видимо, нервные нагрузки, которые он испытывал на работе за рубежом, и три с половиной года тюрьмы сделали свое дело. Так в 48 лет ушел из жизни прекрасный души человек, фронтовик, отважный разведчик полковник Конон Трофимович Молодой. Его смерть явилась тяжелой утратой для коллектива сотрудников внешней разведки.

Характерно, что ряд английских газет опубликовал сообщения о кончине советского разведчика, известного как герой «портлендского дела». В газетах появились большие портреты Конона Трофимовича.